

ВИКТОРИАНКИ

АЛЕКСАНДР ЛИВЕРГАНТ

ДЖЕЙН ОСТЕН

ШАРЛОТТА БРОНТЕ

ДЖОРДЖ ЭЛИОТ

Александр Яковлевич Ливергант

Викторианки

Серия «Критика и эссеистика»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67838319

Викторианки: Новое литературное обозрение; Москва; 2022

ISBN 978-5-4448-2055-1

Аннотация

Английская литература XIX века была уникальной средой, в которой появилась целая плеяда талантливых писательниц и поэтесс. Несмотря на то, что в литературе, как и в обществе, царили патриархальные порядки, творчество сестер Бронте, Джейн Остен и других авторов-женщин сумело найти путь к читателю и подготовить его для будущего феминистского поворота в литературе модернизма. Лицами этой эпохи стали талантливые, просвещенные и сильные ее представительницы, которым и посвящена книга литературоведа А. Ливерганта. В нее вошли три очерка: «Непревзойденная Джейн» о Джейн Остин, «Дом на кладбище» о Шарлотте, Эмили, Энн и Брэнзуэлле Бронте и «Викторианская Сивилла» о Мэри Энн Эванс, писавшей под псевдонимом Джордж Элиот. В каждом из них автор размышляет о творчестве и судьбе героинь, погружая их биографии в подробный исторический контекст. Александр Ливергант – кандидат искусствоведения,

филолог, переводчик, главный редактор журнала «Иностранная литература». Автор многочисленных работ об английской и американской литературах.

Содержание

Женское лицо	6
Непревзойденная Джейн	15
1	15
2	23
3	26
4	31
5	35
6	38
7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Ливергант

Викторианки

© А. Ливергант, 2022

© С. Тихонов, дизайн обложки, 2022

© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

Женское лицо

Банальность: у каждой национальной литературы, у каждой литературной эпохи – свое лицо. У викторианской, если перефразировать название книги Светланы Алексиевич, лицо женское.

Английская литература позапрошлого века, как никакая другая, дала миру целую плеяду первоклассных прозаиков и поэтов – представительниц прекрасного пола. Викторианская эпоха имеет отчетливый феминистский оттенок, хотя до суфражисток, борьбы женщин за свои права, дискуссий по гендерным вопросам было еще далеко.

Именами Джейн Остен, Шарлотты, Эмили и Энн Бронте, Джордж Элиот – писательниц, о которых идет речь в этой книге, – список талантливых викторианок не исчерпывается. Читатель не найдет здесь жизнеописания Мэри Шелли, жены поэта, создательницы некогда знаменитого, леденящего кровь и актуального по сей день «Франкенштейна» с глубокомысленным подзаголовком «Современный Прометей». Нет здесь и Элизабет Барретт Браунинг, жены еще одного великого поэта, которая, по мнению многих, сочиняла стихи не хуже именитого мужа и вполне заслуживала почетного титула «поэта-лауреата». Нет и Элизабет Гаскелл, написавшей не только «Мэри Бартон» и «Крэнфорда», – романы, которые высоко ценил и печатал в своих журналах Диккенс, –

но и биографию своей коллеги по перу и близкой подруги Шарлотты Бронте; «Жизнь Шарлотты Бронте» и по сей день считается одной из лучших биографий на английском языке. Нет здесь, если мерить историю литературы годом рождения, и Вирджинии Вулф; викторианкой, впрочем, автора «Миссис Дэллоуэй» и «На маяк» уж никак не назовешь – скорее, антивикторианкой.

И то сказать, большие писатели с трудом поддаются периодизации, не встраиваются в литературный процесс. Джейн Остен, с чьей литературной биографии начинается эта книга, умерла за двадцать лет до восшествия на престол королевы Виктории и по формальным признакам викторианкой считаться не может. А между тем многое в романах Остен роднит ее скорее с викторианским веком, чем с веком Просвещения, скорее с Теккереем, чем с Филдингом или Смоллеттом. С молодых ногтей «непревзойденная Джейн» зло и остроумно, хотя и не всегда заметно, высмеивает нравоучительность и навязчивую сентиментальность литературы восемнадцатого столетия, в котором прожила большую часть жизни. «За изящной, легкой светской болтовней героев, – отмечает Честертон, – утонченные читатели Джейн Остен не рассмотрели громоподобного бурлеска». Вот и Мэри-Энн-Эванс, более известная как Джордж Элиот, крупный прозаик, философ, критик и ученый викторианского века, гораздо ближе к французскому натурализму, чем к английскому критическому реализму и тем более – к сенсационной лите-

ратуре середины XIX века, к которой, как позитивисту и положено, она относилась с нескрываемым предубеждением, если не сказать пренебрежением.

Не только Остен, но и сестер Бронте, и Джордж Элиот викторианками в строгом смысле слова не назовешь. Все пять писательниц семейным ценностям были преданы меньше, чем литературным, да и семьи своей ни у кого из них не было, как и детей. Из известного филистерского триединства, нашедшего свое наиболее полное и выразительное воплощение в трех немецких словах: Küche, Kinder, Kirche, триединства, основополагающего для викторианской женщины – хранительницы домашнего очага, но не властительницы дум, – они отдавали должное разве что Церкви, да и то не без некоторых сомнений. Джордж Элиот, ревностная протестантка в молодости, близко сошлась с кружком вольнодумцев и скептиков, поборников не религиозной, а научной мысли, и пересмотрела свои ортодоксальные взгляды на Церковь и веру. Шарлотта Бронте и Джейн Остен в церковь ходили исправно, но цену пуританским табу, религиозному ханжеству и начетничеству, несмотря на юный возраст и строгое, последовательное пасторское воспитание, хорошо знали. Вспомним хотя бы Уильяма Коллинза из «Гордости и предубеждения» или миссионера, преподобного Сент-Джона Риверса из «Джейн Эйр» с его «бесцеремонной прямоотой, упорной пристальностью».

Неписаное правило викторианской этики требовало не

выносить сор из избы. И Остен, и сестры Бронте, благочинные барышни в жизни, в литературе «сор из избы» выносят постоянно – и в «Нортенгерском аббатстве», и в «Грозовом перевале», и в «Джейн Эйр», и в многочисленных письмах. Бросают вызов тем, кто выдает внешнюю благопристойность за истинную добродетель, кто полагает, что нравственность и светские условности – синонимы. Читая книги этих несколько необычных викторианок, убеждаешься, что благоденствие, общественную благопристойность, благочинность и незыблемость моральных устоев, верность традиции, англиканской Церкви, отечеству и семейному очагу преувеличивать едва ли стоит. Женское лицо викторианской литературы вовсе не всегда такое благостное, как может показаться, и вымученный хеппи-энд большинства женских романов никого не может ввести в заблуждение, сегодня «они жили счастливо и умерли в один день» воспринимается не более как дань времени. В читательской памяти гораздо дольше остаются и глубже запечатлеваются безотрадные описания диких нравов, царящих в закрытой школе для девочек («Джейн Эйр») или свирепых семейных распрей («Грозовой перевал»).

Такой же данью времени и литературных нравов были и псевдонимы – негласное и почти обязательное условие публикации женских романов и стихов. В Англии (и не только в Англии) позапрошлого века считалось, что у женщины есть дела поважней, чем «бумагу марать». Литература виделась

исключительно мужским занятием, да еще не самым, выражаясь современным языком, престижным; то ли дело политика, Церковь, коммерция или спорт; литературой – таков был общий глас – карьеры не сделаешь. Отгадывание псевдонимов превращалось в азартную литературную игру, породившую порой самые вздорные сплетни. Когда вышла «Джейн Эйр», по Лондону прошел слух, что автор романа одно время состоял гувернером в доме Теккерей. Маски срывались далеко не сразу и лишь в случае ненужности или крайней необходимости. Только когда «братья» Каррер, Эллис и Актон Белл объявились в Лондоне, издатели поняли, что авторы «Стихотворений» и трех романов – не братья, а сестры, и не Белл, а Бронте. Теккерей и Диккенс вступили в заочный спор: мужчина или женщина скрывается под именем Джордж Элиот. Диккенс угадал, что это женщина, Теккерей же оказался не столь проницателен, автор «Ярмарки тщеславия» заявил, что ни минуты не сомневается: автор – мужчина. А гражданский муж писательницы, ученый и критик Джордж Генри Льюис разыграл издателя «Блэквуд мэгэзин», пригласив его к себе на ужин и пообещав познакомить с Джорджем Элиотом, который на поверку оказался женой Льюиса, Мэри-Энн Эванс (она же – Джордж Элиот), создательницей «Адама Биды» и «Сайлеса Марнера» – романов, которые не первый год издавал, не подозревая подвоха, Блэквуд.

Сами же литературные упражнения викторианок на за-

бавную игру походили меньше всего. Родные и даже самые близкие друзья относились к их трудам в лучшем случае без интереса, а порой и настороженно, с недоумением и даже с осуждением. Когда Шарлотта Бронте попросила отца прочесть «Джейн Эйр», тот ответил, что у него нет времени читать и слушать рукописи, и выразил надежду, что дочь «не станет впредь заниматься подобной ерундой». Впрочем, бывали и исключения: отец Джейн Остен, например, не только не отказывался читать романы дочери, но даже помогал их пристраивать, вел переговоры с лондонскими издателями. Для «занятий ерундой» Джейн Остен или Шарлотте Бронте приходилось, урывая час-другой от домашних дел, уединяться с тетрадью где-нибудь в пустующей комнате и творить на краю стола, заставленного посудой и книгами, под детский гомон за стеной. И набраться терпения: проходили месяцы, прежде чем издатель удосуживался дать ответ, далеко не всегда положительный, и годы (как в случае с «Гордостью и предубеждением»), прежде чем рукопись выходила в свет и на нее – счастливый миг! – отзывался хвалебной рецензией авторитетный критик.

И, вдобавок, привыкать к мысли, что написанное не принесет ни славы, ни денег. Ради денег, отдадим викторианским писательницам должное, не писал из них никто. Что же до славы, то ее «эти загадочные англичанки», как назвала свою антологию английской женской прозы Екатерина Гениева, иногда и добивались – вот только дожить до известно-

сти удавалось немногим. Те же, кто дожил, как правило, не слишком высоко оценивали свои литературные достижения, нередко были к себе самокритичны, более пристрастны, чем самые взыскательные зоилы. «Я почувствовала себя такой никчемной, такой отчаявшейся, что сказала себе: „Нет, бросаю, ничего у меня не получится,»,», – сетует Джордж Элиот, дописывая роман «Ромола» из итальянской средневековой жизни, – роман, к слову, и впрямь не очень удачный. «Роман этот слишком легковесен, слишком блестит и сверкает», – пишет Остен о «Гордости и предубеждении», своей лучшей книге, которую, когда она, наконец, спустя без малого двадцать лет, вышла из печати, единодушно расхвалили критики.

И пристрастны не только к себе, но и к своим «сосестрам» по перу. «Точное воспроизведение обыденных лиц... ни одного яркого образа, – пишет об Остен Шарлотта Бронте. – Возможно, она разумна, правдива... но до величия ей далеко... Ее творчество напоминает мне обнесенный высоким забором, тщательно обработанный сад с бордюром и изящными цветами... Мне бы не хотелось жить с ее леди и джентльменами в их изысканных, наглухо запертых особняках».

Чем же женское лицо отличается от мужского?

Богатым воображением? Едва ли; прав рецензент «Британского критика», который отказывает Джейн Остен в воображении, бурной фантазии: «Воображение – не самая силь-

ная сторона ее дарования». И не только ее, на это же обращали внимание и критики, причем вполне доброжелательные, рецензировавшие романы Джордж Элиот, в том числе и «Миддлмарч».

Повышенным чувством моральной ответственности? Но чувство это, утонченность, решительность моральных суждений характерны для многих крупных викторианцев обоего пола.

Занимательностью, фабульностью, тем, что англичане называют «thrill»? Но в этом и Остен, и Шарлотта Бронте, и тем более Джордж Элиот, которая с присущим ей здравомыслием во главу угла ставит не увлекательность произведения, а его правдивость (truth to nature), «проникновение в глубины обычной жизни», заметно уступают и позднему Диккенсу, и Уилки Коллинзу. Приметы готического романа в книгах викторианок, особенно сестер Бронте, отыскать не сложно, но от «романа тайны» («mystery novel») они далеки, им не до разгадки преступлений, к жизни они относятся серьезно и развлекать читателя не склонны.

Сентиментальностью, повышенной эмоциональностью? Но романы Джейн Остен и Джордж Элиот чувствительными никак не назовешь; более трезвого, рассудочного, «без романтических затей» взгляда на английское общество середины позапрошлого века не отыщешь даже у Теккерея, не говоря уж об эмоциональном, увлекающемся Диккенсе.

Орнаментальностью, многословием? И тоже нет: Диккенс,

да и скептик Теккерей, не говоря уж о таком «массовом» авторе, как Эдуард Бульвер-Литтон, куда красочнее, многословнее.

Разница между «мужским» и «женским» романом, как кажется, заметнее всего в трактовке героев, а вернее – героинь. Викториаки при всей несхожести выводят на авансцену свой идеал – женщину, с себя списанную, – решительную, мужественную, начитанную, способную справиться с иллюзиями, за себя постоять, распорядиться своей судьбой, а заодно и судьбой своих близких. Сказала же Шарлотта Бронте: «Когда я пишу о женщинах, я больше в себе уверена». Не эти ли черты объединяют столь разных героинь, как Элизабет Беннетт, Джейн Эйр, Мэгги Талливер и Доротея Брукс?

И их создательниц, которые заявляют о себе, не желая считаться с викторианским общественным укладом, с жестким моральным императивом, уготовившими им скромное место на церковной скамье, в кухне, в детской, в лавке по соседству, за шитьем или за роялем.

И которые, как сказано в Прелюдии к «Миддлмарчу», «пытаются сохранить благородную гармонию между своими мыслями и делами».

Непревзойденная Джейн

1

Представим себе контурную карту мира, где заштрихованы лишь острова в Океании, а материки так и остались контурными. То же и с биографией «непревзойденной Джейн»: в жизнеописаниях создательницы современного романа, как нередко называют ныне, с легкой руки Вальтера Скотта, Джейн Остен, фактов куда меньше, чем домыслов, ответов куда меньше, чем вопросов.

О ее родителях, братьях и сестре, о доходах семьи, о быте и обычаях пасторского дома, где Джейн прожила четверть века и написала три романа из шести, о городах и поместьях многочисленных родственников, где Остенам, с их охотой (и необходимостью) к перемене мест, довелось жить, о нравах георгианской эпохи мы знаем – в том числе и из ее книг – гораздо больше и лучше, чем о ней самой.

Почин подобному «перекоосу» задан был уже в первой биографии Остен, написанной через сто лет после ее рождения, в семидесятые годы позапрошлого века, сыном Джеймса Остена, старшего брата Джейн, Джеймсом Эдвардом Остеном-Ли. И показательно названной: «Памяти Джейн Остен, и другие семейные воспоминания» („A Memoir of

Jane Austen and Other Family Recollections“). Вот и в дальнейших жизнеописаниях автора «Эммы» и «Гордости и предубеждения», в том числе и совсем недавних¹, «другие семейные воспоминания» оттесняют историю жизни писательницы на второй план.

Почему это так? То ли потому, что старшая сестра Джейн Кассандра Остен (выполняя волю покойной сестры? стремясь уберечь ее память от пересудов?) уничтожила большую часть их с сестрой переписки. Отчего, нетрудно догадаться, пересудов, загадок, вопросов стало у «джейнистов» не меньше, а больше.

В самом деле, почему Джейн Остен так и не вышла замуж? Отчего неоднократно отказывала претендентам на ее руку, в том числе людям знатным и состоятельным? Решила, что не по любви, как и ее героини, замуж не выйдет, или рассчитывала обеспечить себе положение в обществе литературой? Надежда в те времена еще более зыбкая, чем теперь. Как восприняла внезапное, непредвиденное расставание с возлюбленным – единственным, по-видимому, в ее жизни? Почему вначале назвала свой самый знаменитый роман, известный теперь как «Гордость и предубеждение» („Pride and Prejudice“), – «Первые впечатления»? Сколько псевдонимов у нее было? Только ли «Некая леди» и «миссис Эштон Деннис» – псевдоним, под которым она переписывалась с изда-

¹ См. *Worsley Lucy. Jane Austen at Home. A Biography. L., Hodder and Stoughton, 2017.*

телем «Нортенгерского аббатства»? От чего она умерла? Чем перед смертью так долго и мучительно болела? Почему на стене Винчестерского собора только спустя сто лет после ее смерти появилось упоминание, и то краткое, скупое, о том, что она была писательницей? Ведь еще при жизни несколько ее романов появилось в печати².

Да и в датировке ее книг, у которых между временем написания и годом публикации пролегает по большей части многолетняя дистанция, существует немалая путаница, непроясненность. Роман «Гордость и предубеждение», например, писался в девяностые годы восемнадцатого века, а вышел только в 1813 году; один издатель безоговорочно, даже, кажется, в рукопись не заглянув, отверг ее, а другой, спустя два десятилетия, роман напечатал, получил высокую оценку критиков и потом с успехом дважды переиздавал. Не все понятно и с «Нортенгерским аббатством»: начат был роман, который первоначально назывался «Сьюзан», в 1798 году, когда Джейн было двадцать три года, а опубликован лишь спустя год после ее смерти, в 1818-м. Неужели издателю понадобилось двадцать лет, чтобы принять решение? Верно, печатать роман безвестной двадцатилетней сочинительницы было рискованно, но ведь в десятые годы девятнадцатого века Остен уже известна, она пользовалась достаточно высокой репутацией, и лондонский издатель Джон Кросби не только

² См. *Геншьева Е.* Обаяние простоты / Остен Д. Собрание сочинений в 3-х т. М., 1988. Т. I. С. 13.

ничем не рисковал, но мог неплохо заработать.

Нет согласия и в оценке значимости ее наследия – это теперь Остен – признанный классик, чьи книги многократно переиздаются, переводятся и экранизируются. Вальтер Скотт в рецензии на «Эмму» (1816) называет Остен «создательницей современного романа». Автор «Айвенго» превозносит «точность и четкость» ее искусства, «понимание человеческих отношений», «такт, с которым она рисует характеры», и, в первую очередь, – правдоподобие. Спустя сто лет Честертон отмечает ее непревзойденный комический дар, раскрывшийся уже в ранних произведениях: «За изящной, легкой светской болтовней героев утонченные читатели Джейн Остен не рассмотрели громоподобного бурлеска»³. Вирджиния Вулф восторгается «законченностью и совершенством» ее дарования, незаурядным художественным темпераментом. А также – ее вкладом в английскую женскую литературу: «Джейн Остен родилась задолго до того, как препоны, ограждавшие женщин от истины, были (как нас уверяют) сметены сестрами Бронте и искусно устранены Джордж Элиот. И тем не менее факт остается фактом: Джейн Остен знала о людях гораздо больше, чем каждая из них. Очень может быть, Джейн Остен и была ограждена от истины, но не истина от нее»⁴. Ричард Олдингтон, и не он

³ Честертон Г. К. Джейн Остен. Перевод А. Ливерганта. / Честертон Г. К. Писатель в газете. М., 1984. С. 249.

⁴ Цит. по: Worsley L. Jane Austen at Home. P. 321.

один, отдает дань ее вкусу: «Дар у Остен был, возможно, более скромным и сдержанным, чем у Диккенса, зато вкус – безупречным, он никогда не изменял ей»⁵. Вообще, эпитет «сдержанный» – самый, пожалуй, ходовой в разноречивых оценках ее творчества. А вот Шарлотта Бронте высказывается об Остен весьма уничижительно: «Точное воспроизведение обыденных лиц... ни одного яркого образа... Возможно, она разумна, правдива... но до величия ей далеко»⁶. Примерно такой же смысл и у развернутой метафоры в одном из ее писем: «Ее творчество напоминает мне обнесенный высоким забором, тщательно обработанный сад с бордюром и изящными цветами, но в нем нет живого облика, нет открытого пространства, свежего воздуха, голубых холмов, ярких красок. Мне бы не хотелось жить с ее леди и джентльменами в их изысканных, но наглухо закрытых особняках»⁷. Почему-то не оценил по достоинству Остен и Теккерей, многое у нее почерпнувший.

Каким человеком она была? Одни находили ее кокеткой и болтушкой. Другие отмечали ее замкнутость, неразговорчивость. «Сидит за столом на званом обеде и помалкивает, – с некоторым неодобрением отозвалась о Джейн одна ее светская знакомая. – Как видно, обдумывает свои прелестные

⁵ *Геншева Е.* Обаяние простоты. С. 14–15.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ *The Letters of Charlotte Bronte*, 2 vols, ed. Margaret Smith. Oxford: Clarendon Press, 2000, ii. 10.

романы». Как выглядела? «Высокая и хрупкая, но не сутулая... – так описывает тридцатипятилетнюю Джейн ее племянница и, несмотря на разницу в возрасте, близкая подруга Анна Лефрой. – Цвет лица, какой бывает у темных шатенок. Кожа в веснушках, но гладкая, здоровый цвет лица, длинные вьющиеся волосы, очень красивые, не светлые и не темные, карие глаза, маленький нос правильной формы». «Довольно высокая и худая, – подтверждает Остен-Ли. – Здоровый румянец, круглые щеки, маленькие, хорошей формы нос и рот... Не так красива, как ее сестра, но по-своему прелестна». Судя же по портретам Джейн кисти Кассандры, прелестной ее назовешь вряд ли. Крепко сжатый, упрямый, волевой рот, пристальный взгляд... «Джейн вовсе не хороша и ужасно чопорна, не скажешь, что это девочка двенадцати лет... Джейн ломается и жеманничает», – пишет о своей кузине Филадельфия Остен⁸. «В жизни не видела другой такой хорошенькой вертушки, всецело занятой поисками мужа, как Джейн», – вспоминает некая миссис Митфорд, ее знакомая. «Никогда, ни утром, ни вечером, сколько помню, не видела ее без чепчика, – вспоминает Кэролайн, единокровная сестра Анны Лефрой. – Что ж, так принято у не очень молодых женщин». «Джейн превратилась в застывший, безмолвный перпендикуляр – образец счастливого безбрачия... В обществе на нее обращали не больше внимания, чем на кочергу

⁸ См. *Вулф В.* Джейн Остен. Перевод И. Бернштейн / В кн.: *Вулф В.* Миссис Дэллоуэй. На маяк. Орландо. Волны. Флаш. Рассказы. Эссе. М., 2004. С. 815.

или каминную решетку, – замечает другая ее приятельница, навестившая Джейн в 1815 году за два года до смерти, и добавляет: – Она так и осталась кочергой, но этой кочерги все боятся... острый язычок и пронизательность, да притом еще себе на уме – это поистине страшно»⁹. По другим сведениям, Джейн даже незадолго до смерти вовсе не была «кочергой» или «каминной решеткой»; напротив того, она – права миссис Митфорд – была не синим чулком, а «хорошенькой вертушкой», любила наряды, балы, веселье, всегда, как и ее любимая героиня Элизабет Беннет, готова была шутить и смеяться – отмечали же современники ее «острый язычок и пронизательность». Ее книги и письма, те немногие, что сохранились, полны описаний фасонов, шляпок, сведений о модных платьях и кавалерах; в шляпках и платьях, в отличие от кавалеров, она знала толк.

А может, виновата вовсе не Кассандра, и грустная правда в том, что жизнь создательницы «Мэнсфилд-парка» и «Чувства и чувствительности» столь неприметна, не богата событиями («образец счастливого безбрачия»), что и писать о такой жизни особенно нечего. То ли дело биография Сервантеса, Достоевского или Александра Солженицына! В жизни Остен, в самом деле, почти нет беллетристики, в ней отсутствуют тайна рождения, пылкие страсти, странствия, загадочные повороты судьбы – все то, что делает жизнеописание занимательным, читается как приключенческий или де-

⁹ Вулф В. Джейн Остен... С. 816.

тективный роман, на одном дыхании. «Биографии писателей стали интереснее их писаний», – с грустью замечает в своем дневнике в 1922 году Корней Чуковский¹⁰ – нет, это не про Джейн Остен.

Но бывают ли вообще неинтересные, невыразительные жизни? Тем более жизни людей талантливых, незаурядных? Если перефразировать название популярной у нас книжной серии, то можно было бы сказать, что невыразительны не замечательные люди, а их жизнь в описании ничем не замечательных биографов.

¹⁰ Чуковский К. Дневник 1901–1929. М., 1991. С. 212.

2

16 декабря 1775 года в семье бывшего выпускника Оксфорда, пастора Джорджа Остена и его жены Кассандры, урожденной Ли, за десять лет до того переехавших из Оксфорда в графство Гемпшир, в Стивентонский приход, появился седьмой, предпоследний ребенок – девочка Дженни.

Про детские годы будущей романистки много не скажешь. Любила, как и другие дети – пятеро братьев и сестра, – отца, человека доброжелательного и чадолюбивого. А также свою кормилицу с соседней фермы. Была неразлучна со старшей сестрой Кассандрой, названной, как и мать; миссис Остен говорила, что, если бы Кассандре отрубили голову, Джейн подставила бы под топор и свою. Когда немного подросла, вместе с матерью и сестрой шила, возилась на кухне, с отцом и братьями – в саду и в огороде. В георгианские времена приходскому священнику приходилось по совместительству быть еще и фермером. По воскресеньям в каменной церквушке XII века, неподалеку от пастората, Джордж Остен читал проповеди, а по будням помогал жене доить коров, столярничал, сажал цветы, корчевал деревья.

Побаивалась матери, женщины властной, энергичной, рачительной хозяйки, при этом литературно одаренной: Кассандра-старшая всю жизнь, даже в старости, пописывала стишки, в основном шуточные, развлекала ими за ужином

мужа и детей. Пастор называл жену «моей управляющей», хотя управляющим у суровой супруги был скорее он сам, человек мягкий, покладистый, как теперь бы сказали, «неконфликтный».

С отцом Джейн была близка всю жизнь, делилась с ним, а не с матерью, как у дочерей водится, девичьими секретами. Начав писать, не скрывала от него своих литературных амбиций и пользовалась его столичными издательскими связями, которые он охотно ей предоставлял; тогдашняя «непрестижность», даже неприличность профессии литератора, тем более для женщины, его нисколько не смущала. Матери же сторонила – и вывела в своих романах целую галерею черствых и нелепых матерей: миссис Дэшвуд («Чувство и чувствительность»), миссис Беннет («Гордость и предубеждение»), миссис Прайс («Мэнсфилд-парк»). Чтобы «почувствовать разницу» в отношении Джейн к отцу и к матери, вспомним чету Беннет из «Гордости и предубеждения». Он – насмешник, молчальник, книгочей, она – глупа, болтлива, самонадеянна.

В раннем детстве была рослой, краснощекой, мало говорила и очень робела. «Как следует подумает, прежде чем что-нибудь сказать, – вспоминал ее брат Генри, к которому Джейн в детстве, тем более во взрослые годы, была привязана больше, чем к другим братьям. – Будет подолгу молча на тебя смотреть, и если сказать нечего, то ничего и не скажет». И, в отличие от сестры, – чистосердечной и послушной. И

при этом – опять же в отличие от Кассандры – несдержанной, упрямой; «властвовать собой», пишет Остен-Ли, Джейн, как и ее любимые героини, так и не выучилась, да и не считала нужным. Тут, впрочем, тоже имеются разночтения. Одни рисуют юную Джейн резкой, вспыльчивой, другие, наоборот, – спокойной, отрешенной, неразговорчивой – эдакой вещью в себе. «Чем лучше пишешь, тем меньше говоришь, – скажет про Джейн ее старший современник, писатель и журналист Уильям Коббетт. – Она была столь закрыта, что даже члены ее собственной семьи толком ее не знали». Наблюдение это относится, надо полагать, к более позднему времени: когда Джейн была ребенком, Коббетт, скорее всего, ее не видал.

3

Старшие братья, Джеймс и Генри, отправлены были по стопам отца в Оксфорд в колледж Святого Иоанна, где у Джеймса раскрылись недюжинные литературные способности. Будущий, как и отец, приходской священник, он еще в Оксфорде начал издаваться (стихи, эссе) и издавать сам. Выпускавшийся им при посредстве брата Генри сатирический журнал «Бездельник» („Loiterer“) прожил больше года, с начала 1789 до весны 1790-го, и печатался в Лондоне в типографии Томаса Эджертон. Со временем Эджертон будет печатать и его младшую сестру. Оба брата, опять же по стопам отца, приняли сан, Генри, правда, в отличие от Джеймса, прежде чем стать приходским священником, успел послужить в армии, сделаться банкиром, разбогатеть, а потом разориться.

Младших же, Фрэнсиса и Чарльза, Джордж Остен в приходские священники, как старших, не прочил и направил по совсем иной – военно-морской – стезе; братья уехали учиться в Портсмут, в морское училище с громким названием «Королевская академия мореплавания». Англии предстояли нелегкие времена – война с Наполеоном, и отвага и сноровка младших Остенов (оба дослужились до звания адмирала) придутся отечеству как нельзя кстати.

Для полноты картины скажем, что были у Джейн еще

два брата: психически неполноценный Джордж и красавчик, баловень судьбы Эдвард. Эдварду повезло в жизни больше остальных Остенов: еще в детстве его усыновили богатые и бездетные родственники, чем обеспечили привольную, благополучную жизнь; в Годмершаме, его родовом поместье, Джейн, бедная родственница, часто подолгу гостила.

В отличие от братьев, Кассандра и Джейн, представительницы слабого пола, университетов не кончали, учили их не оксфордские профессора или просоленные морские волки, а – поначалу, во всяком случае, – миссис Остен. И не в сотнях миль от дома, в закрытом учебном заведении, а на домашней кухне. У матери сестры научились читать, писать, и, что для женщин в те времена было куда важнее, – готовить, вязать, вышивать. В вышивке крестом и украшении шляпок бумажными цветами у создательницы «Эммы» не было равных.

А вот столь насущному для юных дам из семей мелкопоместного дворянства искусству игры на фортепиано миссис Остен при всем желании научить дочерей не могла. И с этой целью было, во-первых, куплено пианино, а во-вторых, приглашен органист из Винчестерского собора, который разъезжал по окрестным деревням с уроками музыки. Он-то и привил Джейн вкус к игре на фортепиано и пению, а она передала эти навыки своим героиням. Многие из них поют – правда, не всегда очень умело. Элизабет Беннет становится стыдно за сестру Мэри, вызвавшуюся не от большого ума и

большого самомнения спеть на балу: «Голос у нее был слабловат, а манера петь – жеманна и нарочита».

Про то, как «образовывались» (а вернее – не образовывались) сестры Остен, лучше всего написано в «Гордости и предубеждении». В сцене, где сановная и бесцеремонная леди Кэтрин устраивает Элизабет Беннет допрос с пристрастием, автор и ее любимая героиня смеются над воспитанием в духе «института благородных девиц»:

«– Рисуете? – осведомилась леди Кэтрин. – Нет, не умею. – И ваши сестры тоже? – Тоже. – Как странно. У вас, вероятно, не было возможности научиться. Вашей матери следовало каждую весну возить вас в Лондон и нанимать вам учителя рисования... Ваша гувернантка ушла от вас? – У нас никогда не было гувернантки. – Не было гувернантки?! Как такое возможно?... Стало быть, образованием дочерей пришлось заниматься вашей матери? Я ей не завидую... Без гувернантки вы были предоставлены сами себе, я правильно понимаю?... Если б я была знакома с вашей матерью, я бы весьма настойчиво рекомендовала ей гувернантку нанять. Я всегда говорю, что в образовании ничего не добиться без каждодневного последовательного обучения, – без гувернантки такое обучение невозможно...»¹¹

Когда сестры немного подросли, за их обучение взялся и отец – и он тоже обошелся без гувернанток и учителей ри-

¹¹ Перевод автора.

сования. Джордж Остен, человек образованный (выпускник Оксфорда как-никак), любил преподавать и, чтобы подзаработать, держал дома школу для окрестных детей, и мальчиков и девочек. Свою задачу пастор видел не в том, чтобы научить дочерей латыни и греческому: Вергилия надлежало штудировать сыновьям, а дочери, если повезет, выйдут замуж и не читая «Энеиды», – а чтобы привить им, по его выражению, «покорный нрав и долготерпение». Джейн, к слову, пригодится в жизни, особенно в последние годы, и то и другое. А еще – чтобы научить их «вести дом», с какой целью Кассандре и Джейн надлежало прилежно изучать «Слугу на все руки» („Complete Servant“) – популярное руководство по ведению домашнего хозяйства, книга для девочки-подростка конца XVIII века куда более актуальная, чем «Одиссея» или речи Цицерона.

Пианино предназначалось дочерям, а для младших сыновей, будущих моряков, Джордж Остен приобрел огромный глобус, микроскоп, компас и солнечные часы. Джейн, понятно, всеми этими мальчишескими забавами не интересовалась, а вот к чтению при посредстве книгочехя Джеймса пристрастилась с самого детства; когда повзрослеет, будет называть книги «моими детьми». Книг в Стивентоне насчитывалось несколько сот: Джордж Остен был не из тех приходских священников, что не читают ничего, кроме Священного Писания. Круг чтения его младшей дочери был обширен – от священных книг, кулинарных пособий и «Слуги на все руки»

до тогдашних блокбастеров вроде «Полуночного колокола»: «Девочки сбежали по ступенькам, и тут на их лицах изобразился ужас. Старшая, заливаясь слезами, поведала им, что дядюшкина постель пуста и залита кровью».

От французской грамматики, на обложке которой еще совсем детским, изломанным почерком восьмилетней Джейн Остен написано: «Ничего не получается», до «Истории Англии с древнейших времен до смерти Георга II». Со временем Джейн сочинит свою собственную, пародийную историю Англии, а Кассандра проиллюстрирует ее портретами монархов, в том числе и фаворитки Джейн – Марии Стюарт. Чуть позже к этим книгам прибавились стихи Уильяма Каупера и эссе властителя дум английского восемнадцатого века, критика, поэта и лексикографа Сэмюэля Джонсона. «Мой дорогой доктор» будет называть Джонсона Джейн, его горячая поклонница.

Домашним образованием дело, однако, не ограничилось. Джейн не было и восьми, когда ее все же отправили учиться «на сторону». С детьми – с девочками реже, с мальчиками почти в обязательном порядке – англичане в этом отношении никогда не церемонились. В России говорили: «Пускай его послужит», в Англии: «Пускай его поучится», и еще хорошо если в закрытой школе – могли ведь отправить к совершенно чужому человеку, наставнику, пускай поучит их отпрыска перед школой уму-разуму; не родительское это дело.

Отъезд из Стивентона не стал, однако, для Джейн трагедией, ведь приход она покидала вместе с любимой старшей сестрой, да и ехала не куда-нибудь, а в Оксфорд, Джеймсу под крылышко. Не в Оксфордский университет, разумеется (мала, да и девочка), а в школу-интернат некоей миссис Коли, чей покойный муж долгие годы возглавлял Брейсноуз-колледж.

Академическим образованием миссис Коли своих воспитанниц обременяла не слишком, но и не обижала, относилась, можно сказать, по-матерински, и, когда в Оксфорде вспыхнула эпидемия кори, увезла девочек, даже не поставив родителей в известность, куда подальше, в Саутгемптон, где вскоре сестры заразились сыпным тифом и чудом остались живы.

Но домой не вернулись и летом 1785 года перебрались из Саутгемптона в Рэдинг в еще один интернат для девочек с загадочным романтическим названием «Школа при аббатстве» („Abbey House School“). Название школы, впрочем, реальности нисколько не противоречило. Располагалась школа и в самом деле в здании чудом сохранившегося средневекового аббатства с башнями, лабиринтами узких коридоров, скрипучими полами, крошечными, похожими на тюремные камеры, спальнями (на одну кровать две воспитанницы) и огромными зарешеченными витражными окнами на первом этаже. Стояла школа в заросшем кустарником и столетними деревьями, типично английском парке, где ученицы имели обыкновение гулять, пугая друг дружку историями о привидениях, которые, мнилось, прячутся за каждым деревом. Со временем Джейн воссоздаст атмосферу «Школы при аббатстве» в романе-пародии на готику с соответствующим названием – «Нортенгерское аббатство».

Романтикой (а лучше сказать, псевдоромантикой) веяло и от директрисы школы мадам Лятурнель. Псевдо – потому, что, во-первых, мадам Лятурнель никакой Лятурнель в действительности не была: этим именем в рекламных, так сказать, целях нарекли исконную англичанку Сару Хэкетт, когда много лет назад взяли в эту школу преподавать французский. Во-вторых, потому что в языке Мольера Сара была не сильна, по-французски читала через пень колоду, а говорить и вовсе не умела. И, в-третьих, потому что в свои пятьдесят с

лишним одевалась она как двадцатилетняя (рюши, фижмы, кружева) и лихо отплясывала на школьных балах, и это при том, что дама она была весьма корпулентная, к тому же с деревянной ногой – где и при каких обстоятельствах мисс Хэкетт-Лятурнель лишилась ноги, история умалчивает.

Школьная зала, где устраивались балы, предназначалась и для спектаклей: мадам Лятурнель происходила из театральной среды и ставила со своими воспитанницами, а также с учениками из соседней школы для мальчиков пьесы классического репертуара; особенно удалась ей постановка второй части шекспировского «Генриха IV», откуда были предусмотрительно изъяты слова и выражения не слишком удобочитаемые.

Учебники в «Школе при аббатстве» были не в чести, мадам Лятурнель предпочитала просвещать свою паству с помощью модного женского журнала, который так и назывался – „Ladies' Magazine“. И в котором, убеждала девочек «деревянная нога», было что почерпнуть «любой читательнице от герцогини до служанки». Над душещипательными историями, которыми ученицы «Школы при аббатстве» зачитывались в «Женском журнале», Джейн всего через несколько лет вволю поиздевается в «Любви и дружбе» и «Замке Лесли» – хоть и юношеской, но уже весьма мастеровитой и язвительной пробе пера. Это их, эти крошечные псевдороманы, Честертон назовет «громоподобным бурлеском».

Беззаботная жизнь у беззаботной (не чета миссис Остен)

мадам Лятурнель не могла, увы, продолжаться вечно, платить Джорджу Остену за обучение дочерей скоро стало нечем, и в декабре 1786 года (Джейн без малого одиннадцать) сестры возвращаются в Стивентон к своим многочисленным домашним обязанностям; привидения и школьные спектакли остались в прошлом.

Впрочем, спектакли, теперь уже домашние, продолжались. Ставила их подолгу жившая в Стивентоне кузина Элайза де Фейид, племянница Джорджа Остена, дочь его старшей сестры Филадельфии. В свои неполные двадцать пять Элайза успела вместе с матерью объездить Европу, пожить в Индии и во Франции, выйти замуж на французского аристократа графа Жана Франсуа де Фейида, родить от него сына – и возвратиться с грудным еще младенцем на родину: граф, словно предчувствуя скорую смерть на гильотине, потребовал, чтобы жена и сын поскорей покинули предреволюционную Францию.

Как только Остенов (а заодно и себя) Элайза, женщина яркая, предприимчивая, не развлекала: делилась впечатлениями об Индии, Париже и Версале, щеголяла невиданными в британской глубинке парижскими нарядами, манерами и *bon mots*, играла и пела, разговаривала по-французски с Кассандрой и Джейн, «самыми хорошенькими, как она говорила, девушками в Англии». Учила сестер не только французскому, которому их не доучили в Рэдинге, но и умению жить. «Рассказывайте мне о всех ваших увлечениях, – пишет она кузинам в августе 1788 года. – Подробно описывайте ваших ухажеров, высокий он или низкорослый, блондин или шатен, какие у него глаза – черные или голубые». Глав-

ное же, ставила домашние спектакли, и не только по пьесам, сочинявшимся доморощенным литератором Джеймсом; игрались в Стивентоне, с легкой руки Элайзы де Фейид, даже пьесы столичного репертуара – «Соперники» Шеридана, к примеру.

Джордж Остен, как пастору и пристало, к театральным вечерам относился настороженно – писал же проповедник Томас Гисборн в «Обязанностях слабого пола», что театральные постановки – грех, ибо «они дают право относиться к противоположному полу с постыдной фамильярностью». А вот Джейн, несмотря на привитую ей отцом богобоязненность, театр обожала, никакой фамильярности в отношении к слабому полу в нем не усматривала, полюбила его, вероятно, еще в бытность свою ученицей в «Школе при аббатстве». В ее романах, к слову, так много диалогов, диалоги эти так естественны и остроумны, что читаются эти романы как пьесы – при этом, парадоксальным образом, не только сама Джейн Остен ни одной пьесы не написала, но и нет, насколько мне известно, ни одной пьесы по ее книгам.

Полюбила Джейн театр еще и потому, что увлеклась, как нередко увлекаются младшие старшими, Элайзой. А Элайза – ею; не Кассандрой, истинной *comme il faut*, умницей и красавицей, любимицей всей семьи, а вспыльчивой, угловатой, несговорчивой Джейн. «Мое сердце отдано Джейн, – пишет Элайза, если верить Остену-Ли, своей кузине Филадельфии Уолтер уже много позже, в октябре 1792 года. – Ко мне

она относится с таким участием, что не ответить ей тем же я не могу».

В спектаклях, которые ставились Элайзой и в которых играли братья и сестры Остен в гостиной пасторского дома или в амбаре по соседству, ощущается, хотя феминизм тогда еще был в зародыше, заметный суфражистский оттенок. В пьесе «Чудеса» Сюзанны Санливр, где поднимается вопрос – вспомним нашего классика – «о целомудрии и о женской стыдливости», были такие слова: «Тиран мужчина сделал из нас рабов», такие нескладные, но пылкие поэтические строки: «Их дни мужские сочтены, В явь обратились наши сны!» В доме же Остенов все обстояло ровным счетом наоборот: «тиран» Элайза «сделала рабов» из Джеймса и Генри, подчинила себе обоих. Соперничество разгорелось не на шутку, и Генри, хоть и был на несколько лет моложе брата, в итоге одержал победу. Если, конечно, завоевание сердца такой, как своенравная, строптивая, самолюбивая Элайза, можно считать победой.

Ничуть не меньше радости, чем театр, доставляли тринадцатилетней Джейн и первые ее литературные опыты. Свои рассказы, зарисовки, письма, наброски, впечатления (главным образом – не о прожитом, а о прочитанном) она с двенадцати лет начинает записывать в подаренных ей отцом трех толстых тетрадях в сафьяновых переплетах, к которым относится как к книгам и соответственно называет: «Том I», «Том II», «Том III». Вот как – необычно, с выдумкой, обманывающая читательские ожидания, – начинается по-андерсоновски ее «роман» (12 глав, в каждой – всего одно предложение) «Великолепная Кассандра»:

«Когда прелестной Кассандре исполнилось шестнадцать, ей довелось влюбиться в элегантную шляпку. Шляпку эту заказала ее матери-модистке графиня, однако Кассандра и слушать ничего не хотела. Надела только что изготовленную шляпку на свою очаровательную головку и покинула галантерейную лавку в поисках счастья...».

А в третьем томе три года спустя появляется уже упоминавшаяся «Любовь и дружба» – то, что это шутка, пародия, видно уже по орфографической ошибке в третьем слове названия (в оригинале „Love and Freindship“). Приведем два отзыва на этот давно уже переведенный на русский язык маленький шедевр, в котором пятнадцатилетняя пародистка

едко и точно высмеивает приемы и штампы сентиментальной литературы. А раз высмеивает – значит, хорошо эти приемы изучила.

«Это – фантастические излияния совсем еще юной леди. История, написанная в стиле, невиданном прежде».

«Что же это за мотив, который ни с чем не спутаешь, который звучит явственно, проникновенно? Это – смех. Девочка пятнадцати лет смеется над миром из своего угла».

Первый отзыв, по стилю напоминающий анонс на книжной обложке, принадлежит отцу начинающей писательницы. Второй – Вирджинии Вулф.

Первыми – и в те годы единственными – читателями этого «трехтомника» были члены семьи Джейн, и в первую очередь, конечно, отец и Джеймс, ее литературные наставники. Остены, впрочем, не были читателями пятнадцатилетней романистки, они были ее *слушателями*. В семье пастора любили чтение вслух, прилежно слушали и всячески поощряли ранние сочинения Джейн, которые она потом, многократно отредактировав, переписывала красивым убористым почерком и дарила близким и друзьям с трогательным посвящением, так, словно это были опубликованные романы, а не записные книжки.

И не только слушателями Джейн: под началом все той же Элайзы де Фейид Остены слушали, читали вслух и разыгрывали по ролям очерки Джеймса из «Бездельника», «Сэра Чарльза Грандисона» – последний эпистолярный роман

Сэмюэля Ричардсона, а еще «Эвелину», «Сесилию» и «Камиллу» – бестселлеры тогдашней модной романистки и мемуаристки Франсес Бёрни, которой зачитывались Джейн и Кассандра.

Радовали литература и театр – но не жизнь. Весной 1797 года от желтой лихорадки в Вест-Индии, куда он отправился капелланом при лорде Крейвене, умирает жених Кассандры, молодой священник Том Фаул. «Кассандра держится с мужеством и достоинством, какие даны далеко не каждому», – пишет Джейн Элайзе де Фейид, которая в том же году станет ее невесткой: ее брак с Генри Остеном – вопрос нескольких месяцев.

У Джейн тоже не все в порядке. Временами одолевает депрессия: «Устала от себя и от своих дурно очиненных перьев». Не потому, конечно, что перья плохо очинены, а потому, что пишет она этими перьями *в стол* – публиковать ею написанное издатели не торопятся. Устают и глаза – «от пыли и ламп». Хотя конъюнктивит (тогда такого слова, как и слова «депрессия», не знали), который развился у нее двумя годами позже, со смертью жениха любимой сестры не сравнишь, – «от слабости в одном из глаз» Джейн долгое время не может ни читать, ни писать и, естественно, очень страдает – не столько от боли, сколько от вынужденного безделья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.